

ТОЛЬКО В МОЛЧАНИИ СЛОВО

Мк. 7, 31-37

«И стал говорить чисто».

Помните старый анекдот про новый год? Информационное агентство сообщает: 1-го января проводился телефонный опрос. Опубликованы его результаты. 10% ответили: «да», 15% ответили: «алле», 75% - затруднились с ответом.

Доводилось ли вам быть нам месте косноязычного? Я имею в виду не физический недуг, а такие ситуации, когда просто нечего сказать, или когда тебя не слышат, не хотят слышать и не понимают, или когда ты сам не можешь разобраться в своих мыслях и в своих словах. Конечно, доводилось. Если нет, то я остро вам завидую! Ведь скажу по секрету: все это касается и проповеди. Так часто не можешь найти нужные слова, чтобы выразить свою мысль. Так часто самому себе кажешься чудовищно косноязычным.

«И стал говорить чисто»

Мне безумно интересно: а что именно он стал говорить? Что может сказать человек, который долгие годы, может быть, всю жизнь молчал или лишь мычал, и почти никто не мог его понять? И вдруг, он может говорить. Что он скажет в первую очередь? Какими были его первые слова? Наш рассказ об этом молчит.

Вообще, в этой истории говорят все. И содержание всех речей, хотя бы примерно, нам известно. Мы знаем, что говорили окружавшие Иисуса люди, свидетели чуда. Мы знаем, что сказал сам Иисус. Более того: это одно из тех немногих мест в Новом Завете, где его слова переданы не в греческом переводе, а в оригинале, на его родном языке. Но что же стал говорить исцеленный? Что, вообще, можно сказать в его ситуации?

Понятно, что когда-то *после* из его уст стала звучать благодарность, а может быть, даже проповедь об Иисусе Христе, Исцелителе и Спасителе. Но не это стало его первым словом. Понятно, что *потом* его вообще, было не остановить. Он мог рассказывать, как одиноко ему было прежде, как плохо он себя чувствовал. Он мог подробно рассказывать про страшный, но глубокий опыт отторжения от нормального человеческого мира. Он мог обратиться к близким людям со словами любви, которые так долго оставались произнесенными. Он мог рассказать о всех тех мыслях, которые посещали его за долгие годы, и которыми он не мог до сих пор ни с кем поделиться. Он мог просто перекачивать на языке названия самых обычных предметов, смаковать самые обыденные слова, как мы держим во рту глоток хорошего вина, чтобы насладиться его вкусом. Этот человек не был поэтом. Но такая игра была бы разновидностью поэзии, доступной и понятной только ему. Наконец он мог бы сказать: «Эй, Исаак. Ты все время приносил мне рыбный пирог. Его пекла твоя жена. Ты приносил его мне из сочувствия к моему убожеству и нищете. И не успокаивался, пока я его не съедал, великодушно не обращал при этом внимания на мое протестующее мычание. Так вот, знай, я терпеть не могу рыбы!».

Все это могло и даже должно было быть. Но *после*. Но меня интересует: какими были его первые слова, какими словами он опробовал свою новую способность говорить?

Есть ситуации, когда нужно что-то сказать. Нужно сказать что-то, просто ради того, чтобы сказать. Содержание неважно. И часто именно тогда оказывается, что слов нет.

Вот, я стою на сцене. Через пять минут начнется выступление. Техник у пульта проверяет микрофон и просит меня: «Скажите что-нибудь!». Но что тут скажешь, кроме глупого «раз-раз» или «раз, два, три». Вот, я захожу в магазин. Продавщица на месте. Но она стоит ко мне спиной и занята пересчетом товара. Она меня не замечает. Нужно как-то привлечь ее внимание. Что остается, кроме пустого «эй», «простите» или даже просто кашля.

Бывают и более сложные, немного более глубокие ситуации. Ситуации драматические и даже трагические. Например, вам сообщили о смерти близкого человека. Просто помолчать, отвернуться, убежать, уткнуться лицом в подушку нельзя. Нужно что-то сказать. Но что? Большинство из нас дальше обычного «когда?» или «как это случилось?» не идут.

Или кто-то рассказывает вам, в какую трудную ситуацию он попал, как ему плохо. Предположим, это происходит по телефону. Просто взять его за руку, прикоснуться к нему ободряющим жестом невозможно. Надо что-то сказать. Но что? Ничего необыкновенно мудрого мы из себя все равно выдать не сможем. Разве что ограничимся снова банальностями вроде: «все пройдет» или «держись». Сколько раз я ловил себя на том, что не могу ничего лучшего предложить человеку, который отчаянно нуждается в помощи. Но, может быть, порой ничего другого и не нужно. Просто услышать ответ, любой ответ.

Какими были первые слова того человека из евангельского рассказа? Какую же фразу он выбрал, чтобы проверить свою новую способность? Что-нибудь такое же бессмысленное и пустое, вроде того микрофонного «раз, два, три»? Может быть, даже буквально эти слова. Или что-то чуть более осмысленное. Скажем фразу: «Неужели я снова могу говорить?». Наверное, да. Вряд ли он сразу же изрек нечто потрясающее, что поразило всех своей мудростью и возвышенностью. Евангелист ничего не рассказывает нам об этом, да ему и не интересно содержание этой речи. Ему важен сам факт: теперь этот человек может говорить чисто, теперь он может говорить.

Часто новозаветные истории трактуются символически. И нередко при этом предлагают очень примитивное их толкование. Скажем, сегодняшнюю историю можно истолковать так: косноязычие - это грех, а исцеление – обретение веры и т.д. Но на самом деле все гораздо проще и обыденнее.

Да, бывают такие ситуации, когда не можешь говорить, когда не знаешь, что сказать. Но вот как раз после таких переживаний особенно остро ощущаешь радость о слове. Мы описывали некоторые из таких ситуаций. Они бывают столь тяжелыми, что после них даже дурацкое «раз, два, три», сказанное в микрофон, кажется чем-то бесконечно великим. Вот эта радость о слове. Ею я и стараюсь с вами поделиться. Именно о ней и шла речь большую часть времени нашего курса. Радость о слове после немоты и косноязычия. Пусть это слово - даже самое пустое, формальное и бессмысленное «раз, два три», или «алле»!

Как часто мы страдаем от подобной косноязычности, и каким спасительным представляется тогда слово, *любое* слово!

Иисус исцеляет от косноязычности. Он хочет, чтобы мы могли говорить друг с другом. Подчеркиваю: не только молиться и проповедовать, но и просто говорить. Слушать и понимать друг друга. Иисус исцеляя, запрещает рассказывать о себе. Он поступает так и во многих других случаях. Не только здесь. О смысле этого запрета написано очень много. Нет нужды дискутировать, да и не во всех рассказах о чудесах он присутствует. Для меня дело в том, что Иисус просто дает человеку возможность говорить, не связывая ее ни с чем особенно благочестивым. Просто говорить и слышать – это дар Божий. Это умение говорить и слышать простирается от простого: «Да я здесь, да я слышу тебя», до высочайших шедевров поэзии.

О чем начал говорить бывший косноязычный, какими были его первые слова и фразы? О чем говорил дальше? Это очень интересно. Я бы послушал его. Но все же главное в том, что он, вообще, мог теперь говорить. Жуткая стена была разрушена.

«И стал говорить чисто».

В сегодняшней истории речь идет всего лишь о словах, о подчеркнута любых словах; всего лишь о разговоре, - о разговоре неважно, о чем. Но ради него, - ради услышанного слова, ради состоявшегося разговора иногда нужно чудо...